

УДК 821.161.1.0; 81'38
ББК 81.411.2-5

А.В. Малахова

**КОНТЕКСТ
КАК СРЕДСТВО
ДЕМОНСТРАЦИИ
ИЗМЕНЕНИЙ
В ПЕРСОНАЖНОМ
МИРОВИДЕНИИ
В РОМАНЕ
М. А. ШОЛОХОВА
«ТИХИЙ ДОН»**

Рассматривается взгляд М.А. Шолохова на отношение донского казачества первой четверти XX в. к традиционным православным ценностям. Лексическими маркерами контекстов, изображающих отношение казаков к Богу, выступают словоформы с корнями *вер-*, *бог-*, *мол-*, *крест-*. На основании лингвокультурологического анализа контекстов с данными корнями констатируется факт серьёзных изменений исповедания донскими казаками в начале XX в. традиционной православной веры в сторону от богоцентризма к антропоцентризму и материализму.

Ключевые слова: *Шолохов, «Тихий Дон», традиционные казачьи ценности, православное мировидение, вера, богоцентризм, антропоцентризм, лексический маркер, контекст.*

DOI 10.23683/1995-0640-2019-4-98-104

Малахова Арина Викторовна – аспирант кафедры русского языка Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета.
E-mail: malakhova.arina@gmail.com

© Малахова А.В., 2019.

Интерес современного общества к проблемам национальной и культурной идентичности актуализирует подход к исследованию произведений, созданных классиками литературы, с позиций осмысления факторов осознания субъектом своей социоэтнической принадлежности к какому-либо сообществу. Одной из важных составляющих лингвокультуры представляется отношение ее носителей к религии, поскольку любая религия транслирует исповедующим ее людям «много истин, ценных в мировоззренческом, нравственном отношении» [Этико-философские концепции..., 2016, с. 6]. Объективность реализма М.А. Шолохова определяет целесообразность обращения к «Тихому Дону» как крупнейшему художественно-историческому роману о казачестве в поисках ответа на вопрос, сохранился ли в сознании казаков при их формальной принадлежности к православным корпус традиционных религиозно обусловленных ценностей в первой четверти XX в.

Известно, что уже с начала XVIII столетия петровские реформы в системе казачьего социального устройства повлекли за собой, в первую очередь, разрушение формы казачьего самоуправления, а затем – имущественное и социокультурное расслоение казачества. А. П. Комаров, выделяя в качестве традиционных казачьих ценностей «власть, безопасность, свобода, справедливость» [Комаров, 20186, с. 158] и считая движущей силой самоидентификации казачества традиционные духовные ценности, основывающиеся на «симбиозе духовных

постулатов “вера – идеал бытия” или “идея – вера”» [Комаров, 2018а, с. 13], при анализе жизни казаков в период с начала XVIII по конец XX в. отмечает тенденцию к изменению традиционного осмысления данных ценностей.

Взгляд на православную веру как на традиционную духовную ценность казаков приводит к мысли о рациональности обращения к контекстам с эксплицитными лексическими маркерами религиозного аспекта жизни казачества – словами с корнями *вер-*, *бог-*, *мол-*, *крест-*. Представляется, что анализ подобных контекстов позволит убедиться в том, произошли ли, на взгляд М.А. Шолохова, отмечаемые социальными философами аксиологические сдвиги в сознании донского казачества в начале XX в., а если произошли, то каковы были их последствия.

Первый слой таких маркеров – лексемы с корнем *вер-*. В романе встречается всего 25 употреблений существительного *вера*, 14 из которых связаны с религией (правда, в двух из них слово используется образно, как синоним слова *идея*). Из 97 употреблений глагола *верить/поверить* религиозный смысл передают только три. Есть также пять употреблений глагола *веровать* (все они содержат религиозную семантику) и одно – глагола *уверовать* (вне религиозной семантики). Преобладание у этого пласта лексем смыслов нерелигиозного характера, однако, отнюдь не означает, что М. А. Шолохов стремится показать отсутствие религиозных компонентов в картине мира донского казачества. Скорее можно утверждать, что для самого автора не было целью сориентировать читателя на обсуждение подобной проблемы, он не ставил в центр внимания вопрос о том, какую роль в жизни казаков описываемой эпохи играло православие, а лишь показывал, как они реагировали на события, как вели себя в сложившихся обстоятельствах, как переносили испытания, уготованные им жизнью. Кроме того, не следует забывать, что М.А. Шолохов – мастер детали, ему не свойственно напрямую заявлять о том, что значимо, а что – неважно для его героев. Читатель может сам прийти к определенным выводам, наблюдая за перипетиями сюжета и складывая мозаику мнения из отдельных штрихов. Именно поэтому более активными в тексте романа оказываются наборы лексем с корнями *бог-*, *крест-*, *мол-*. В романе обнаружено 76 словоформ с корнем *бог-* (не входящих в состав фразеологических единиц), 104 словоформы с корнем *крест-* и 27 словоформ с корнем *мол-*, содержащих сему ‘религия’. Все фрагменты с тремя последними корнями тем или иным образом отражают отношение казаков к Богу, что позволяет судить о значимости православия для казаков в описываемый период. Однако неравновесность использования названных лексических маркеров и наличие в тексте негативных высказываний персонажей о Боге – «*бога-то нету <...> Я в эти глупости верить давно перестал*» (ТД, 4, с. 391); «*Бога нет, а дураки верят, молятся вот этим деревяшкам!*» (ТД, 3, с. 110) – заставляют задуматься о шолоховском видении возможности сдвига в иерархии ценностей казаков. Скромные рамки статьи позволяют обратиться лишь к нескольким эпизодам произведения, которые наиболее ярко иллюстрируют суть противоречия.

Пожалуй, единственный из персонажей-казаков, никогда не забывающий о Боге, – дед Гришака Коршунов. Его набожность помогает ему не бояться смерти, поскольку он жил по Божьим заповедям. Он осознает временность земного бытия и готовится к вечной жизни души: «Жду смертыньку, как дорогого гостя» (1, с. 87). Желая Наталье счастья в будущей семейной жизни, говорит ей: «<...> *Христос с тобой. Дай бог*» (1, с. 88), Митьку ругает *нечистым духом* (Там же). Именно и только в руках старика Коршунова, по воле автора, дважды оказывается читаемое Евангелие (в то время как другой казак вырывает из такой же книги два листа на самокрутку Григорию), у него есть Псалтырь, о новой власти говорит, что она *не от бога* (3, с. 130) и т.д. В соответствии с осознанием Бога и веры главными ценностями он и в последнем в своей жизни диалоге цитирует Святое Писание («*Аще какой мерой меряете, тою и воздается вам*» (4, с. 364)) и в смерти от пули Кошевого усматривает волю Господа: «*Яко... не своею си благодатию... но волею бога нашего приидох... Господи, прими раба твоего... с миром...*» (4, с. 365).

Отношение к вере в Бога как критерий разделения на «своих» и «чужих» в бытовой жизни демонстрирует в романе Пантелей Прокофьевич. Так, в его понимании единство веры – это и основа единого семейного уклада. Поэтому, возмущившись тем, что снохе поставили еду в отдельной посуде, глава семьи делает ироническое предположение о причине факта – изменении её веры: «*Это что такое? Почему это ей отдельно влила? Она что, не нашей веры стала?*» (4, с. 115). В другом эпизоде автор также показывает значимость для старого казака соблюдения православных традиций в быту. Несоблюдение красноармейцами православного обычая молиться и осенять себя крестным знаменем перед трапезой вызывает у него резкое неприятие как нечто чуждое, ср.: «*Красноармейцы рассаживались, не крестясь. Старик наблюдал за ними со страхом и скрытым отвращением*» (3, с. 110). Значимость для казака соблюдения православной традиции подчёркивается тем, что он при всей напряженности ситуации не может удержаться от вопросительной реплики, содержащей скрытое осуждение чужаков: «*Богу, значит, не молитесь?*» (3, с. 110).

Соблюдение православных обычаев значимо и для старой казачки – матери Якова Фомина: «<...> *глянув на сына, строго приказала: – Шапку-то сыми, нехристь! Кто же под образа садится в шапке?*». В то время как для самого Фомина эта духовная традиция не имеет ценности: он выполняет требование матери, но, по-видимому, только из уважения к ней: «*Фомин неохотно улыбнулся, снял кубанку <...>*» (4, с. 347).

В одном из эпизодов офицеры-казаки поют песню, свидетельствующую о традиционности их православного взгляда на мир, – «*Всколыхнулся, взволновался православный тихий Дон*» (2, с. 100). Уже с первых строк подчёркивается существовавшее у казаков разделение на «своих» и «чужих» по признаку веры: «*Басурманину он (Дон. – А.М.) не кланялся*» (2, с. 100) (ср.: «Басурман, -а, м. В старину: иноземец, человек иной веры (преимущ. о магометанине)» [Ожегов, 2005, с. 45]; «Не кланять-

ся... перен. кому и перед кем. Обращаться с просьбой, униженно просить о чем-н.» [Ожегов, 2005, с. 353]). Заключительные слова приведенного в романе отрывка песни называют православные ценности, за которые готовы сражаться казаки: «*За пречистую мать богородицу, да за веру свою православную, Да за вольный Дон, что волной шумит, в бой звала со супостатами*» (2, с. 100)». Указанием на то, что перечисленные ценности являются традиционными, актуальными для казаков на протяжении долгого периода времени, служат в песне слова *век, из года в год* (2, с. 100). Однако немногим позже Атарщиков, рефлексировав по поводу пения, подчеркивает значимость обычной казачьей жизни, ее старого уклада, а отнюдь не религиозной составляющей: «<...> *люблю Дон, весь этот старый, веками складывавшийся уклад казачьей жизни* <...>» (2, с. 100), – и переживает только из-за идеологического раскола казачества: «Революция словно разделила нас на овец и козлищ, наши интересы как будто расходятся» (2, с. 101).

В романе есть эпизоды, демонстрирующие сохранение в сознании казаков значимости веры в Бога как объединяющей их общей ценности. Например, такова сцена, где судьбу одних казаков (ополченцев) могли решить другие (красноармейцы) в день празднования Пасхи. Рядовые казаки, недавно влившиеся в Красную Армию, не утратили чувства православного единства. Они отказываются от нападения на тех, кого считают братьями по вере, ср.: «*Какой позор, Подтелков! Со своими же братьями и мы будем проливать кровь? Оставь! Столкнемся и так! <...> мы с родными братьями сражаться не будем!*» (ТД, 2, с.329–330), – и выражают мысль, что убийство на святую Пасху – страшный грех: «*Святая пасха – а мы будем кровь лить?*» (2, с. 330). Такое отношение репрезентирует их христианский взгляд – любовь к ближнему (Ср.: «...*возлюби ближнего твоего, как самого себя*» (Мф. 22: 37–39) [Библия, 1991, с. 955]) и соблюдение заповеди «Не убивай». Здесь для казаков важным параметром деления людей на «своих» и «чужих» является единство веры: «– *А гутарили, будто вы отреклись от веры Христовой. – Вроде вы уж сатане передались...*» (2, с. 331). Мысль о самом главном христианском празднике пробуждает ощущение ценности веры – «*большевики большевиками, а в бога веруем*» (Там же) – не только как упомянутого общего братства, но и как родства духовного – кумовства: «*Кум, Данило! Кум!*» (Там же). Взаимная идентификация происходит при обмене общими для православных приветствиями на Пасху «*Христос воскрес!*» – «*Воистину воскрес!*» (Там же).

Далее в тексте появляется лексический маркер *крест*, обозначающий вещественный знак православной идентификации – нательный крест: «– *А крест носишь? – А вот он*» (2, с. 331)). Самым веским аргументом для красноармейца-казака, подтверждающим его принадлежность к православной вере, является признание о его недавнем участии в церковном Таинстве причащения: «Я перед тем как из Ростова выйти, *в церкву ходил и причастие принимал*» (2, с. 331). Осознание христианского родства и братства, радость от общения друг с другом («*двое*

казаков, разглаживая усы, глядели друг на друга, улыбались, хлопали один одного по плечу» (2, с. 331)), убежденность в неправильности агрессии по отношению к единоверцу («Чудок мы с тобой бой не учинили» (2, с. 331)) указывает на наличие у казаков чувства христианской соборности (восприятия каждого христианина как части единого целого, части одной Церкви Христовой).

Следует заметить, что для Подтёлкова, также казака, ключевой при разделении людей на «своих» и «чужих» является не ценность веры, а отношение к идеям большевизма и революции: «*Какие могут быть разговоры с контрреволюцией? Мы с ними боремся!*» (2, с. 329). Любопытно, однако, что в другом эпизоде казаки-старики выносят смертный приговор пленным казакам-красноармейцам, несмотря на мирную позицию последних и общую принадлежность к христианской вере. Критерием осуждения на казнь служит не реально совершённое действие, а лишь предположение о намерении нанесения подсудимыми материального и физического урона другим казакам: «*Что мы сделаем с теми предателями родного края, которые шли грабить наши курени и уничтожат казачество?*» (2, с. 334). В обвинении нет пункта о вероотступничестве, а значит, вера и не является для обвиняющих той ключевой ценностью, которая могла бы разделять людей на «своих» и чужих». В словах казаков-ополченцев явственно звучат не христианские, а созвучные большевистским идеи, в которых как одна из первостепенных ценностей акцентируется имущество: «*Всех грабителей и обманщиков трудового народа <...> подвергнуть смертной казни*» (2, с. 336).

Наглядным примером презентации казачьих ценностей в романе выступает призыв старика-казака к восстанию. Он упрекает станичников в том, что они не защищают своё Отечество («*Что же вы стоите, сыны тихого Дона?!*» (3, с. 167)), в то время, когда оно нуждается в этом: «*Отцов и дедов ваших расстреливают, имущество ваше забирают, над вашей верой смеются*» (3, с. 167). Следует заметить, что о вере как о ценности здесь упоминается уже после отцов, дедов и имущества, что может свидетельствовать не о первостепенном её значении. Тем не менее в продолжении страстного монолога через имплицитную антитезу «казак – баба», «казак – мужик» высвечивается мысль о необходимости защиты Отечества и православной веры как исполнения казачьего воинского долга. Она реализуется через сравнения с уничижительной коннотацией, с помощью которых осуждается бездействие адресатов: «*как бабы*»; «*Али вместо казачьей крови мужицкий квас у вас в жилах?*» (3, с. 167).

Автор показывает, какое сильное воздействие производит эта речь на Григория Мелехова: «*Григорий не дослушал, кинулся на баз. <...> до крови обрывая ногти, разрыл в кизяках седло и вылетел из ворот как бешеный <...> Ясен, казалось, был его путь отныне, как осветленный месяцем шлях*» (3, с. 167). Если задуматься о том, какие именно казачьи ценности, упомянутые говорившим, создали в сознании Григория впечатление ясности пути, то становится очевидным, что о вере, о Боге в данный момент он даже и не вспоминает, а, напротив, видит людей

предоставленными самим себе: «Теперь ему уже казалось, что извечно не было в ней (жизни. – А. М.) такой правды, под крылом которой мог бы посогреться всякий, и, до края озлобленный, он думал: у каждого своя правда, своя борозда» (3, с. 168). Наречие, маркирующее время возникновения у Григория этого убеждения, – *теперь* – предполагает имплицитное противопоставление – *тогда (раньше)*, что свидетельствует об изменении воззрений казака и о наличии у него ранее противоположного мнения. На момент описываемых событий главными ценностями Григорий считает не духовные, а биосоциальные: казачью землю, хлеб, жизнь. И именно в борьбе за землю с неказаками он готов отдать свою жизнь: «Биться с ними насмерть. Рвать у них из-под ног тучную донскую, казачьей кровью политую землю» (3, с. 168). В данном фрагменте Григорий исповедует нехристианский взгляд, проявляющийся в чувстве ненависти к ближнему – мужику, такому же, по сути, человеку, как и он: «<...> кто-нибудь кого-нибудь, а должен свалить» (3, с. 168).

Не имея возможности подробно рассматривать текст романа, ограничимся лишь констатацией того, что поведение и высказывания персонажей-казаков свидетельствуют либо об ослаблении в их сознании ценности веры (как у Пантелея Мелехова, Мирона Коршунова, Ивана Алексеевича, для которых в ряде эпизодов важнее всего становится ценность земли или имущества (см. примеры в (3, с. 79, 136, 252)), либо о ее отрицании (как у Григория Мелехова, Дарьи Мелеховой), которые – по разным причинам – из казаков *вольных* превращаются в казаков *самохотных*, ведь в православной казачьей традиции *вольный* (казак. – А. М.) – «живущий по воле Божьей (жить – Богу служить), исполняющий Божьи заповеди. Человек, живущий по своему усмотрению, есть человек не вольный, а самохотный» [Сборник Рогожской станицы, с. 6]. В целом М. А. Шолохов раскрывает тенденцию, ставшую очевидной в российском обществе времён Гражданской войны, – к переходу от традиционного (как для казаков, так и для всех русских людей) богоцентризма к антропоцентризму и материализму.

Литература и источники

Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. В рус. переводе с паралл. местами. [б.м.], Новая Жизнь, 1991. 1224 с.

Комаров А. П. Ценности казачества и их влияние на социальные процессы в России: социально-философский анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2018а. 22 с.

Комаров А. П. Эволюция традиционных ценностей казачества в Российской империи и СССР // Вестн. Тверского гос. ун-та. Серия: Философия. 2018б. № 1. С. 158–166.

Ожегов С. И. Словарь русского языка / под общ. ред. проф. Л.И. Скворцова: 24-е изд., испр. М.: Оникс, 2005. 1198 с.

Сборник Рогожской старообрядческой казачьей станицы. М., 2005. 82 с.

Шолохов М. А. Тихий Дон // Собр. соч. в 8 т. М.: Худ. лит., 1985–1986. Т. 1–4 (ссылка после цитаты в круглых скобках указывает том и страницу).

Этико-философские концепции мировых религий: история и современность: научная монография / под общ. ред. Ю.Н. Абдулкадырова. Махачкала: [б.и.], 2016. 122 с.

References

Bibliya. Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta. Kanonicheskiye. V rus. perevode s parall. mestami. Novaya zhizn', 1991. 1224 p. (In Russian).

Komarov A. P. *Tsennosti kazachestva i ikh vliyaniye na sotsial'nyye protsessy v Rossii: sotsial'no-filosofskiy analiz: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk.* M., 2018a. 22 p. (In Russian).

Komarov A. P. Ehvolutsiya traditsionnykh tsennostey kazachestva v Rossiyskoy imperii i SSSR. *Vestn. Tverskogo gos. un-ta Seriya: Filosofiya*, 2018b, no.1, pp.158-166. (In Russian).

Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo yazyka.* Pod obshch. red. prof. L.I. Skvortsova. 24-e izd., ispr. M., Oniks, 2005. 1198 p. (In Russian).

Sbornik Rogozhskoy starobryadcheskoy kazach'ey stanitsy. M., 2005. 82 p. (In Russian).

Sholokhov M. A. *Tikhiy Don. Sobr. soch. v 8 t.* M., Khud. lit., 1985–1986. Vol. 1–4 (ssylka posle tsitaty v kruglykh skobkakh ukazyvayet tom i stranitsu). (In Russian).

Ehtiko-filosofskiye kontseptsii mirovykh religiy: istoriya i sovremennost'. Nauchnaya monografiya. Pod obshch. red. Yu.N. Abdulkadyrova. Makhachkala, 2016. 122 p. (In Russian).

Arina V. Malakhova (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Context as a Marker of Changes in the Orthodox Worldview of the Don Cossacks According to M. A. Sholokhov's Novel «And Quiet Flows the Don»

The article attempts to identify M. A. Sholokhov's views on the degree of correspondence between the formal self-identification of the Don Cossacks as Orthodox Christians and their behavioral response to the social-political conditions of the life of the Cossacks in Russia in the early 20th century.

Based on the analysis of those fragments of the novel «And Quiet Flows the Don», which contain the words of religious semantics as certain lexical markers, the article proves that the writer had depicted the significant changes in the confession of the Orthodox faith by the Don Cossacks in the direction from God-centrism to anthropocentrism and materialism.

Key words: *Sholokhov, «And Quiet Flows the Don», traditional Cossack values, Orthodox worldview, faith, God-centrism, anthropocentrism, lexical marker, context.*

Arina V. Malakhova – postgraduate student at the Russian Language Department of the Institute of Philology, Journalism and Cross-Cultural Communication, Southern Federal University. E-mail: malakhova.arina@gmail.com